

Константин Арсеньев

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Константин Арсеньев

Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин

«Public Domain»

1907

Арсеньев К. К.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин / К. К. Арсеньев —
«Public Domain», 1907

«Салтыков (Михаил Евграфович) – знаменитый русский писатель. Родился 15 января 1826 г. в старой дворянской семье, в имении родителей, селе Спас-Угол, Калязинского уезда Тверской губернии. Хотя в примечании к «Пошехонской старине» С. и просил не смешивать его с личностью Никанора Затрапезного, от имени которого ведется рассказ, но полнейшее сходство многого, сообщаемого о Затрапезном, с несомненными фактами жизни С. позволяет предполагать, что «Пошехонская старина» имеет отчасти автобиографический характер...»

Константин Константинович Арсеньев Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Салтыков (Михаил Евграфович) – знаменитый русский писатель. Родился 15 января 1826 г. в старой дворянской семье, в имении родителей, селе Спас-Угол, Калязинского уезда Тверской губернии. Хотя в примечании к «Пошехонской старине» С. и просил не смешивать его с личностью Никанора Затрапезного, от имени которого ведется рассказ, но полнейшее сходство многого, сообщаемого о Затрапезном, с несомненными фактами жизни С. позволяет предполагать, что «Пошехонская старина» имеет отчасти автобиографический характер. Первым учителем С. был крепостной человек его родителей, живописец Павел; потом с ним занимались старшая его сестра, священник соседнего села, гувернантка и студент московской духовной академии. Десяти лет от роду он поступил в московский дворянский институт (нечто в роде гимназии, с пансионом), а два года спустя был переведен, как один из отличнейших учеников, казеннокоштным воспитанником в Царскосельский (позже – Александровский) лицей. В 1844 г. окончил курс по второму разряду (т. е. с чином X-го класса), семнадцатым из двадцати двух учеников, потому что поведение его аттестовалось не более как «довольно хорошим»: к обычным школьным проступкам («грубость», куренье, небрежность в одежде) у него присоединялось писание стихов «неодобрительного» содержания. В лицее, под влиянием свежих еще тогда пушкинских преданий, каждый курс имел своего поэта; в XIII-м курсе эту роль играл С. Несколько его стихотворений было помещено в «Библиотеке для Чтения» 1841 и 1842 гг., когда он был еще лицеистом; другие, напечатанные в «Современнике» (ред. Плетнева) 1844 и 1845 гг., написаны им также еще в лицее (все эти стихотворения перепечатаны в «Материалах для биографии М. Е. Салтыкова», приложенных к полному собранию его сочинений). Ни одно из стихотворений С. (отчасти переводных, отчасти оригинальных) не носит на себе следов таланта; позднейшие по времени даже уступают более ранним. С. скоро понял что у него нет призваны к поэзии, перестал писать стихи и не любил, когда ему о них напоминали. И в этих ученических упражнениях, однако, чувствуется искреннее настроение, большей частью грустное, меланхолическое (у тогдашних знакомых С. слыл под именем «мрачного лицеиста»). В августе 1844 г. С. был зачислен на службу в канцелярию военного министра и только через два года получил там первое штатное место – помощника секретаря. Литература уже тогда занимала его гораздо больше, чем служба: он не только много читал, увлекаясь в особенности Ж. Зандом и французскими социалистами (блестящая картина этого увлечения нарисована им, тридцать лет спустя, в четвертой главе сборника: «За рубежом»), но и писал – сначала небольшие библиографические заметки (в «Отечественных Записках» 1847 г.), а потом повести: «Противоречия» (там же, ноябрь 1847) и «Запутанное дело» (март 1848). Уже в библиографических заметках, не смотря на маловажность книг, по поводу которых они написаны, проглядывает образ мыслей автора-его отвращение к рутине, к прописной морали, к крепостному праву; местами попадаются и блестящие насмешливого юмора. В первой повести С., которую он никогда впоследствии не перепечатывал, звучит, сдавленно и глухо, та самая тема, на которую были написаны ранние романы Ж. Занда: признание прав жизни и страсти. Герой повести, Нагибин – человек обессиленный тепличным воспитанием и беззащитный против влияний среды, против «мелочей жизни». Страх перед этими мелочами и тогда, и позже (см. напр. «Дорога», в «Губернских Очерках») был знаком, по-видимому, и самому С. – но у него это был тот страх, который служит источником борьбы, а не уныния. В Нагибине отразился, таким образом, только один небольшой уголок внутренней жизни автора. Другое действующее лицо романа-«женщина-кулак», Крошина – напоминает Анну Павловну Затрапезную из «Пошехонской старины», т. е. навеяно, вероятно, семейными воспоминаниями С. Гораздо крупнее «Запутанное дело» (перепеч. в «Невинных рассказах»), написанное под сильным влиянием

«Шинели», может быть и «Бедных людей», но заключающее в себе несколько замечательных страниц (напр. изображение пирамиды из человеческих тел, которая снится Мичулину). «Россия» – так размышляет герой повести – «государство обширное, обильное и богатое; да человек-то глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве». «Жизнь-лотерея», подсказывает ему привычный взгляд, завещанный ему отцом; «оно так – отвечает какой-то недоброжелательный голос, – но почему же она лотерея, почему ж бы не быть ей просто жизнью»? Несколькими месяцами раньше такие рассуждения остались бы, может быть, незамеченными-но «Запутанное дело») появилось в свет как раз тогда, когда февральская революция во Франции отразилась в России учреждением негласного комитета, облеченного особыми полномочиями для обуздания печати. 28-го апреля, 1848 г. С. был выслан в Вятку и 3-го июля определен канцелярским чиновником при вятском губернском правлении. В ноябре того же года он был назначен старшим чиновником особых поручений при вятском губернаторе, затем два раза исправлял должность правителя губернаторской канцелярии, а с августа 1850 г. был советником губернского правления. О службе его в Вятке сохранилось мало сведений, но, судя по записке о земельных беспорядках в Слободском уезде, найденной, после смерти С., в его бумагах и подробно изложенной в «Материалах» для его биографии он горячо принимал к сердцу свои обязанности, когда они приводили его в непосредственное соприкосновение с народной массой и давали ему возможность быть ей полезным. Провинциальную жизнь, в самых темных ее сторонах, в то время легко ускользавших от взора, С. узнал как нельзя лучше, благодаря командировкам и следствиям, которые на него возлагались – и богатый запас сделанных им наблюдений нашел себе место в «Губернских Очерках». Тяжелую скуку умственного одиночества он разгонял внеслужебными занятиями: сохранились отрывки его переводов из Токвиля, Вивьена, Шерюеля и заметки, написанные им по поводу известной книги Беккарии. Для сестер Болтиных, из которых одна в 1856 г. стала его женою, он составил «Краткую историю России». В ноябре 1855 г. ему разрешено было, наконец, совершенно оставить Вятку (откуда он до тех пор только один раз выезжал к себе в тверскую деревню); в феврале 1856 г. он был причислен к министерству внутренних дел, в июне того же года назначен чиновником особых поручений при министре и в августе командирован в губернии Тверскую и Владимирскую для обозрения делопроизводства губернских комитетов ополчения (созванного, по случаю восточной войны, в 1855 г.). В его бумагах нашелся черновик записки, составленной им при исполнении этого поручения. Она удостоверяет, что так называемые дворянские губернии предстали перед С. не в лучшем виде, чем недворянская, Вятская; злоупотреблений при снаряжении ополчения им было обнаружено множество. Несколько позже им была составлена записка об устройстве градских и земских полиций, проникнутая мало еще распространенной тогда идеей децентрализации и весьма смело подчеркивавшая недостатки действовавших порядков. Вслед за возвращением С. из ссылки. возобновилась, с большим блеском, его литературная деятельность. Имя надворного советника Щедрина, которым были подписаны появлявшиеся в «Русском Вестнике», с 1856 г., «Губернские Очерки», сразу сделалось одним из самых любимых и популярных. Собранные в одно целое, «Губернские Очерки» в 1857 г. выдержали два издания (впоследствии – еще два, в 1864 и 1882 гг.). Они положили начало целой литературе, получившей название «обличительной», но сами принадлежали к ней только отчасти. Внешняя сторона мира кляуз, взяток, всяческих злоупотреблений наполняет всецело лишь некоторые из очерков; на первый план выдвигается психология чиновничьего быта, выступают такие крупные фигуры, как Порфирий Петрович, как «озорник», первообраз «помпадуров», или «надорванный», первообраз «ташкентцев», как Перегоренский, с неукротимым ябедничеством которого должно считаться даже административное полновластие. Юмор, как и у Гоголя, чередуется в «Губернских Очерках» с лиризмом; такие страницы, как обращение к провинции (в «Скуке»), производят до сих пор глубокое впечатление. Чем были «Губернские Очерки» для русского общества, только что пробудившегося к новой жизни и с радостным удивлением следившего за первыми проблес-

ками свободного слова – это легко себе представить. Обстоятельствами тогдашнего времени объясняется и то, что автор «Губернских Очерков» мог не только оставаться на службе, но и получать более ответственные должности. В марте 1858 г. С. был назначен рязанским вице-губернатором, в апреле 1860 г. переведен на ту же должность в Тверь. Пишет он в это время очень много, сначала в разных журналах (кроме «Русского Вестника» – в «Атенее», «Современнике», «Библиотеке для Чтения», «Московском Вестнике»), но с 1860 г. – почти исключительно в «Современнике» (В 1861 г. С. поместил несколько небольших статей в «Московских Ведомостях» (ред. В. Ф. Корша), в 1882 г. – несколько сцен и рассказов в журнале «Время»). Из написанного им между 1858 и 1862 гг. составились два сборника-«Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе»; и тот, и другой изданы отдельно три раза (1863, 1881, 1885). В картинах провинциальной жизни, которые С. теперь рисует, Крутогорск (т. е. Вятка) скоро уступает Глупову, представляющему собою не какой-нибудь определенный, а типичный русский город – тот город, «историю» которого, понимаемого в еще более широком смысле, несколькими годами позже написал С. Мы видим здесь как последние вспышки отживающего крепостного строя («Госпожа Падейкова», «Наш дружеский хлам», «Наш губернский день»), так и очерки так называемого «возрождения», в Глупове не идущего дальше попыток сохранить, в новых формах, старое содержание. Староглуповец «представлялся милым уже потому, что был не ужасно, а смешно отвратителен; новоглуповец продолжает быть отвратительным – и в тоже время утратил способность быть милым» («Наши глуповские дела»). В настоящем и будущем Глупова усматривается один «конфуз»: «идти вперед – трудно, идти назад-невозможно». Только в самом конце этюдов о Глупове проглядывает нечто похожее на луч надежды: С. выражает уверенность, что «новоглуповец будет последним из глуповцев». В феврале 1862 г. С. в первый раз вышел в отставку. Он хотел поселиться в Москве и основать там двухнедельный журнал; когда ему это не удалось, он переехал в Петербург и с начала 1863 г. стал, фактически, одним из редакторов «Современника». В продолжении двух лет он помещает в нем беллетристические произведения, общественные и театральные хроники, московские письма, рецензии на книги, полемические заметки, публицистические статьи. Все это, за исключением немногих сцен и рассказов, вошедших в состав отдельных изданий («Невинные рассказы», «Признаки времени», «Помпадуры и Помпадурши»), остается до сих пор не перепечатанным, хотя заключает в себе много интересного и важного (Обзор содержания статей, помещенных С. в «Современнике» 1863 и 1864 гг., см. в книг А. Н. Пыпина: «М. Е. Салтыков» (СПб., 1879). Есть основание надеяться, что эти статьи-или большая их часть – войдут в состав следующего издания сочинений С.). К этому же, приблизительно, времени относятся замечания С. на проект устава о книгопечатании, составленный комиссией под председательством кн. Д. А. Оболенского (см. «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова»). Главный недостаток проекта С. видит в том, что он ограничивается заменой одной формы произвола, беспорядочной и хаотической, другой, систематизированной и формально узаконенной. Весьма вероятно, что стеснения, которые «Современник» на каждом шагу встречал со стороны цензуры, в связи с отсутствием надежды на скорую перемену к лучшему, побудили С. опять вступить на службу, но по другому ведомству, менее прикосновенному к злобе дня. В ноябре 1864 г. он был назначен управляющим пензенской казенной палатой, два года спустя переведен на ту же должность в Тулу, а в октябре 1867 г. – в Рязань. Эти годы были временем его наименьшей литературной деятельности: в продолжение трех лет (1865, 1866, 1867) в печати появилась только одна его статья «Завещание моим детям» («Современник», 1866, № 1; перепеч. в «Признаках времени»). Тяга его к литературе оставалась, однако, прежняя: как только «Отечественные Записки» перешли (с 1 января 1868 г.) под редакцию Некрасова, С. сделался одним из самых усердных их сотрудников, а в июне 1868 г. окончательно покинул службу и сделался одним из главных сотрудников и руководителей журнала, официальным редактором которого стал десять лет спустя, после смерти Некрасова. Пока существовали «Отечественные Записки», т. е. до 1884 г., С.

работал исключительно для них. Большая часть написанного им в это время вошла в состав следующих сборников: «Признаки времени» и «Письма из провинции» (1870, 72, 85), «Истории одного города» (1 и 2 изд. 1870; 3 изд. 1883), «Помпадуры и Помпадурши» (1873, 77, 82, 86), «Господа Ташкентцы» (1873, 81, 85), «Дневник провинциала в Петербурге» (1873, 81, 85), «Благонамеренные речи» (1876, 83), «В среде умеренности и аккуратности» (1878, 81, 85), «Господа Головлевы» (1880, 83), «Сборник» (1881, 83), «Убежище Монрепо» (1882, 83), «Круглый год» (1880, 83), «За рубежом» (1881), «Письма к тетеньке» (1882), «Современная Идиллия» (1885), «Недоконченные беседы» (1885), «Пошехонские рассказы» (1886). Сверх того в «Отечественных Записках» были напечатаны в 1876 г. «Культурные люди» и «Итоги», при жизни С. не перепечатанные ни в одном из его сборников, но включенные в посмертное издание его сочинений. «Сказки», изданные особо в 1887 г., появлялись первоначально в «Отечествен. Записках», «Неделе», «Русских Ведомостях» и «Сборнике литературного фонда». После запрещения «Отечественных Записок» С. помещал свои произведения преимущественно в «Вестнике Европы»; отдельно «Пестрые письма» и «Мелочи жизни» были изданы при жизни автора (1886 и 1887), «Пошехонская Старина» — уже после его смерти, в 1890 г. Здоровье С., расшатанное еще с половины 70-х годов, было глубоко потрясено запрещением «Отечественных Записок». Впечатление, произведенное на него этим событием, изображено им самим с большою силой в одной из сказок («Приключение с Крамольниковым», который «однажды утром, проснувшись, совершенно явственно ощутил, что его нет») и в первом «Пестром письме», начинающемся словами: «несколько месяцев тому назад я совершенно неожиданно лишился употребления языка»... Редакционной работой С. занимался неутомимо и страстно, живо принимая к сердцу все касающееся журнала. Окруженный людьми ему симпатичными и с ним солидарными, С. чувствовал себя, благодаря «Отечественным Запискам», в постоянном общении с читателями, на постоянной, если можно так выразиться, службе у литературы, которую он так горячо любил и которой посвятил, в «Круглом годе», такой чудный хвалебный гимн (письмо С. к сыну, написанное незадолго до смерти, оканчивается словами: «паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому»). Незаменимой утратой был для него, поэтому, разрыв непосредственной связи между ним и публикой. С. знал, что «читатель-друг» по-прежнему существует — но этот читатель «заробел, затерялся в толпе и дознаться, где именно он находится, довольно трудно». Мысль об одиночестве, «оброшенности» удручает его все больше и больше, обостряемая физическими страданиями и в свою очередь обостряющая их. «Болен я» — восклицает он в первой главе «Мелочей жизни» — невыносимо. Недуг впился в меня всеми когтями и не выпускает из них. Изможденное тело ничего не может ему противопоставить. Последние его годы были медленной агонией, но он не переставал писать, пока мог держать перо, и его творчество оставалось до конца сильным и свободным; «Пошехонская Старина» ни в чем не уступает его лучшим произведениям. Незадолго до смерти он начал новый труд, об основной мысли которого можно составить себе понятие уже по его заглавию: «Забывшие слова» («Были, знаете, слова» — сказал Салтыков Н. К. Михайловскому незадолго до смерти — «ну, совесть, отечество, человечество, другие там еще... А теперь потрудитесь-ка из поискать!.. Надо же напомнить!»...). Он умер 28 апреля 1889 г. и погребен 2 мая, согласно его желанию, на Волковом кладбище, рядом с Тургеневым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.